

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Чернышев Д. Б. «Святая инквизиция» в истории формирования современного уголовного процесса // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 430–444. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-430-444.

Chernyshev D. B. «Svyataya inkvizitsiya» v istorii formirovaniya sovremenennogo ugolovnogo protsessa [The Holy Inquisition in the History of the Formation of Modern Criminal Procedure]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 430–444. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-430-444.

УДК 343.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-430-444

«Святая инквизиция»

в истории формирования современного уголовного процесса

Д. Б. Чернышев

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации
E-mail: SledstvieNT404@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

Введение: в статье приводятся результаты проведенного автором сравнительного анализа порядка ведения процесса в отношении еретиков, ведьм и колдунов, изложенного в изданном в XV веке Трактате *“Malleus Maleficarum”*, с современным российским уголовно-процессуальным законодательством. Не давая оценок самому факту преследования людей по религиозным соображениям, автор прослеживает схожесть между средневековым и современным следователями в контексте логики в сборе и получении доказательств, их интерпретации и оценке. Отдельно рассмотрен институт пытки, применяемой инквизицией для получения признательных показаний. **Цель:** проследить преемственность, связывающую уголовно-процессуальный порядок производства по уголовным делам, а также криминалистическую тактику и методику с порядком производства инквизиции по преступлениям против веры. **Методы:** общенаучные методы анализа, обобщения, аналогии, диалектики; также применялись частнонаучные методы сравнительно-правового анализа, контент-анализа. **Результаты:** сравнительный анализ порядка проведения следствия и суда над ведьмами, описанного в Трактате *«Malleus Maleficarum»*, с современным уголовно-процессуальным законодательством показал общую логическую линию работы следователя по сбору доказательств вины и невиновности, а также общую направленность на познание истины, связанной с выяснением объективных обстоятельств совершенного преступления. **Выводы:** в современном уголовном процессе сохранились с незначительными изменениями многие положения Трактата *“Malleus Maleficarum”*. Вместе с тем инквизиционный процесс обладал рядом черт, противоречащих современным принципам, таким как независимость судей, уважение чести и достоинства личности, ее неприкосновенность, презумпция невиновности, право на обжалование процессуальных действий и решений. Такие принципы, как состязательность

© Чернышев Д. Б., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сторон и право обвиняемого на защиту, хотя и присутствовали, выражались в значительно более ограниченной форме. Общая обвинительная направленность инквизиционного процесса также отдаляет его от современности. Однако с внешней, процессуальной, точки зрения можно отметить схожую с современностью цель – установление истины, защита невинных от ложного обвинения.

Ключевые слова: «Молот ведьм»; инквизиция; процесс; ересь; преступление против веры

The Holy Inquisition in the History of the Formation of Modern Criminal Procedure

D. B. Chernyshev

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: SledstvieNT404@mail.ru

Received 10 Apr 2025

Introduction. The article provides a comparative analysis of the procedure in trials against heretics, witches, and sorcerers as presented in the 15th-century treatise *Malleus Maleficarum* (Hammer of Witches) and modern Russian legislation on criminal procedure. Without assessing the very fact of prosecution on religious grounds, the author of the paper traces the similarities in the logic of evidence collection, interpretation, and evaluation by comparing the methods used by medieval and modern investigators. The institute of investigative torture, used by the Inquisition to extract confessions, is described separately. **Purpose:** this study aims to trace the continuity between modern criminal proceedings as well as the tactics and methodology of criminalistics and the Inquisition's procedures, applied in the case of crimes against faith. **Methods:** general scientific methods of analysis, generalization, analogy, dialectics; special scientific methods of comparative legal analysis, content analysis. **Results:** an analysis comparing the procedure for the conduct of investigations and witch trials described in the *Malleus Maleficarum* with modern criminal procedural legislation showed the following common features of these: the general logical line of investigators' activities aimed at collecting evidence of guilt and innocence; focus on uncovering the truth related to clarifying the objective circumstances of a crime. **Conclusions:** many provisions of the treatise *Malleus Maleficarum* have been preserved in modern criminal proceedings with minor changes. At the same time, some features of the Inquisition contradicted modern principles such as the independence of judges, respect for the honor and dignity of the individual, personal integrity, the presumption of innocence, and the right to appeal against procedural actions and decisions. Principles such as adversariality and the right of the accused to a defense, although present, were expressed in a much more limited form. The general accusatory orientation of the Inquisition also distances it from modernity. However, from an external, procedural point of view, it had a goal similar to that of modern proceedings – the establishment of the truth, the protection of the innocent from false accusations.

Keywords: *Malleus Maleficarum*; Inquisition; criminal procedure; heresy; crime against faith

Введение

Сложившиеся представления о средневековом инквизиторе традиционно рисуют его в образе высохшего старца, религиозного фанатика, в привычке к умерщвлению своей плоти утратившего человеческие чувства, при этом пресытившегося абсолютной властью в вершении человеческих судеб. Максимально точно этот образ был изображен на страницах романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в лице Клода Фроло: «Это было суровое, замкнутое, мрачное лицо мужчины. Человеку этому, на вид

можно было дать не более тридцати пяти лет; между тем он был уже лыс, и лишь кое-где на висках ещё уцелело несколько прядей редких седеющих волос; его широкий и высокий лоб бороздили морщины» [5]. Непривлекательная внешность как бы отождествляет инквизитора с той мрачной ролью, которую он играл в мире простых обывателей, – наводящего ужас карающего меча Римской католической церкви, беспощадно искоренявшей любые проявления инакомыслия, одного слова которого достаточно, чтобы сломать жизнь неугодного ему человека.

Но тем ли в действительности являлась «святая инквизиция»¹, чем ее рисует современная культура? Действительно ли средневековые процессы над еретиками являлись примером беззакония и произвола судей, вызванного их полной неподконтрольностью местным властям? Или такой образ сформирован под воздействием исторически сложившейся вражды по отношению к католицизму, институтом которого являлась инквизиция, в менталитете протестантских стран (преимущественно США, Великобритании), формирующих современную культурную повестку? При этом следует отметить, что в самих указанных странах судебные процессы XVI–XVIII веков над ведьмами имели не меньший размах и жестокость. В качестве примера можно привести печально известный судебный процесс над ведьмами в городе Салем штата Массачусетс, США, проходивший с 1692 по 1693 год, в ходе которого было осуждено и повешено 19 человек [2].

Безусловно, любое историческое явление, в особенности отделенное от исследователя несколькими столетиями, необходимо рассматривать с соблюдением принципа историзма, учитывая при этом условия, порождающие его становление и развитие [9]. Поэтому в настоящей работе мы не считаем себя вправе оценивать сам факт преследования церковью людей за расхождения в религиозных взглядах и наличие ответственности за исповедование еретических учений. Поэтому мы сознательно ограничили поле исследования рассмотрением основных правовых и процессуальных аспектов следственного и судебного процесса, проводимого инквизиторами по делам о преступлениях против веры.

В качестве основного источника сведений о порядке ведения в отношении ведьм и колдунов предварительного и судебного следствия нами был использован трактат, написанный в 1486–1487 годах инквизитором, монахом доминиканцем Г. Крамером «Молот ведьм» (лат. *Malleus Maleficarum, Maleficas, & earum hæresim, ut phræma potentissima conterens*) [8]. Указанное произведение (далее – Трактат²) обобщает как ранее издававшиеся наставления по преследованию ведьм [16; 17; 1], так и личный опыт автора, исполнявшего обязанности инквизитора на территории Германии и Северной Италии, лично проведшего знаменитые процессы над ведьмами в Трентском епископстве (было обвинено в колдовстве и казнено девять представителей еврейской общины), Равенсбурге (осуждены и сожжены две женщины), а всего, по его собственным воспоминаниям, за свою карьеру осудившего на казнь более 200 ведьм, колдунов и их пособников [19].

Трактат включает в себя три части. Первая посвящена доказательству существования колдовства, его опасности, приводится классификация ведьм и колдунов, описывается их мистическая природа и обосновывается необходимость властей как духовных, так и светских искоренять подобные проявления на подконтрольной территории. Вторая глава посвящена подробному описанию способов околдования и противодействия им. Две первые части в рамках настоящего исследования имеют значение лишь в качестве иллюстрации религиозного миропонимания людей той эпохи, для которых очевидность существования божественных проявлений, а также магии и колдовства не вызывала сомнений.

Значительно больший интерес представляет третья часть трактата, посвященная способам обнаружения ведьм, их преследования, а также доказательства их вины. Анализируя структуру текста данного раздела, разделенного на 34 вопроса, можно проследить логику следственного мышления инквизитора, актуальную в том числе и для современных должностных лиц, осуществляющих функции по уголовному преследованию. Гипотезой исследования выступает утверждение, что значительная часть следственных и процессуальных действий, описываемых в трактате, а также их последовательность и порядок проведения сохранились в современном уголовно-процессуальном законодательстве с минимальными изменениями и рассматриваются в качестве основы классического уголовного процесса и криминалистической тактики.

Следует отметить, что в описываемый Г. Крамером период уголовное и уголовно-процессуальное право не было кодифицировано, в связи с чем Трактат сочетает в себе положения, касающиеся обеих отраслей. Для удобства восприятия далее мы будем приводить описываемые Г. Крамером действия в том порядке, который указан в действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)³. Это позволит проследить преемственность современного порядка осуществления уголовного процесса по отношению к инквизиционному.

Предмет расследования и доказывания

Современное уголовное законодательство в качестве основания для возбуждения уголовного дела и дальнейшего расследования устанавливает наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 140 УПК РФ). Исчерпывающий перечень деяний, признаваемых современным

¹ От лат. *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium* – «Святой отдел расследований еретической греховности».

² Трактат (от лат. *tractatus* – «подвергнутый рассмотрению») – одна из литературных форм, соответствующих научному сочинению, содержащему обсуждение какого-либо вопроса в форме рассуждения (часто полемически заострённого), ставящего своей целью изложить принципиальный подход к предмету [13, с. 502].

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовным законодательством в качестве преступлений, содержится в Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹.

Г. Крамер также указывает в качестве основания для начала инквизиционного процесса совершение конкретного преступления – ереси, определяя ее в качестве предмета расследования и доказывания. Ересь разделяется на две разновидности – простую и колдовскую. Приводятся формальные правовые основания, позволяющие относить поведение подозреваемого к различным проявлениям ереси. При этом используемые формулировки, значение которых может быть не вполне понятно современному светскому человеку, очевидно, были знакомы людям той эпохи и были связаны с длительностью нахождения человека в состоянии отлучения от церкви и его поведением в данный период.

Интерес представляют используемые автором названия различных видов преступлений, являющихся ересью. Средневековый инквизиционный процесс не разделяет понятия «подозрение» и «обвинение», и различные формы подозрений в еретичестве расцениваются как самостоятельные преступления, влекущие соответствующие наказания, о чем более подробно будет сказано в соответствующем разделе настоящего исследования. В качестве таких выделяются легкое, сильное и сильнейшее (тяжкое) подозрения [8, с. 334].

Легкое подозрение может возникать в случаях, если имеется общее предположение о виновности лица, и легкие улики, к примеру – людская молва, посещение секретных религиозных собраний, бытовые особенности, отличающиеся от принятого в этой местности поведения, отлучение от церкви в течение одного года [8, с. 334].

Сильноподозреваемым может признаваться человек, который достоверно знает о том, что кто-то исповедует еретические взгляды, но скрывает его, делает подарки, защищает и т. д., а также лицо, использующее приворот, не нанося при этом вреда людям или скоту [8, с. 334–335]. Также сильноподозреваемым может быть признано лицо, против которого имеются показания, изобличающие в еретической извращенности, и косвенные улики, но нет вещественных доказательств, личного признания и свидетельских показаний, а также отлученный от церкви, уклоняющийся в течение года от явки к духовному судье [8, с. 343].

ТяжкоПодозреваемым следует считать лицо, в отношении которого имеются доказательства и улики, указывающие на его виновность, такие как исполнение произнесенных угроз. Тем не менее сильноподозреваемый, при наличии ряда прямых улик, не уличен в колдовстве собственным признанием, вещественными доказательствами и прямыми

инкриминирующими свидетельскими показаниями [8, с. 345–346]. Также к сильноподозреваемым могут относиться отлученные лица, более одного года уклоняющиеся от явки к духовному судье. Данная степень подозрения лишает лицо права на законную защиту и предопределяет его безальтернативное осуждение как еретика [8, с. 346].

Колдовская ересь предполагает дополнительно к исповедованию еретического учения в том числе систематическое занятие подозреваемым колдовством, то есть совершение магических действий, способных оказывать воздействие на природу и людей [12, с. 99].

Процессуальная подследственность и подсудность

Современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает осуществление предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях различных видов различными субъектами – так называемую подследственность (ст. 151 УПК РФ). В Трактате также уделяется внимание разрешению данного вопроса. Следует обратить внимание, что в период описываемых событий в Европе существовало две независимых друг от друга системы судов – духовные, отвечающие за рассмотрение дел о преступлениях против веры, и светские, рассматривающие дела о нарушении законов государства [16]. Рассуждая о подсудности дел против еретиков, Г. Крамер указывает, что процессы против лиц, уличенных в простой ереси, могут рассматриваться духовными епархиальными судами. Если же дело касается колдовской ереси, то такие процессы должны совершаться с привлечением как духовного, так и светского суда, так как подобные преступления касаются не только вопросов веры, но и влекут за собой причинение реального вреда жизни и здоровью людей, а также собственности («домашний скот, полевые злаки» [8, с. 294]).

В колдовской ереси сливается и духовное, и светское преступление, в связи с чем колдовство признается одинаково опасным и церковью, и государством, так как общественно опасные последствия посягают в том числе на охраняемые светским законом интересы, и светский судья, рассматривающий дело о колдовстве, служит одновременно делу церкви и государства [8, с. 292, 312, 328]. При этом епархиальный суд при рассмотрении дел своей компетенции был ограничен в возможности назначения наказаний, и для вынесения приговора, в частности связанного с лишением осужденного жизни, передавал его светским властям [8, с. 310].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Принципы инквизиционного судопроизводства

В инквизиционном процессе, как и в современном, отдельное место уделялось основным принципам его осуществления. В соответствии с частью 1 статьи 6 УПК РФ одним из назначений уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения. В своей работе Г. Крамер неоднократно упоминает основную цель правосудия – установление истины – и предостерегает читателя от риска осуждения невиновного и оправдания виновного как одинаково опасных ошибок [8, с. 312]. В части, описывающей ход проведения следственных действий, делается акцент на качестве полученных доказательств, в первую очередь достоверности. В частности, испытание каленым железом, право требования которого предоставляется обвиненному в колдовстве, призвано в первую очередь защитить невиновного от несправедливого обвинения [8, с. 329]. Свидетельские показания также подлежат проверке на предмет их достоверности. В частности, перед началом допроса свидетель предупреждается о грехе лжесвидетельства [8, с. 355]. В случае если инкриминирующие показания свидетеля расходятся с другими доказательствами, что вызывает у суда сомнения в их достоверности, свидетель может быть повторно вызван и допрошен. При этом если судья видит, что свидетель стесняется признаться в лжесвидетельстве, то ему может быть предложено сделать это тайно, чтобы избежать осуждения невиновного. В случае если свидетель, дающий изобличающие показания, колеблется и вызывает сомнения у судьи, то он может быть взят под стражу, и в отношении него открывается дело о совершении греха лжесвидетельства, наказание за который – поизненное заточение на хлебе и воде [8, с. 355–357].

С целью предупреждения судебной ошибки Г. Крамер рекомендует судьям при наличии сомнений в виновности не торопиться с вынесением приговора и отложить решение этого вопроса на несколько лет, в течение которых могут выясниться новые обстоятельства, а также появиться дополнительные свидетели и другие доказательства [8, с. 356]. В качестве мерила достоверности и достаточности имеющихся доказательств, а также назначаемого наказания автор предлагает обращаться к собственной совести [8, с. 297]. Данный принцип сохранился в современном уголовном процессе. Согласно статье 17 УПК РФ следователь и судья должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью.

Участники уголовного судопроизводства

В разделе II УПК РФ перечислены все участники уголовного судопроизводства, а также разъясняется их правовой статус. В частности, отдельно выделяются суд, сторона обвинения, сторона защиты и иные участники. Аналогичные разделы имеются в Трактате с поправкой на специфику уголовного процесса по делам против веры. В частности, основным отличием инквизиционного процесса от современного является объединение функций суда и стороны обвинения в лице одного лица – инквизитора.

Суд

Как нами упоминалось выше, уголовный процесс в отношении ведьмы мог вести как духовный судья (епископ или инквизитор), так и светский. В последнем случае он должен быть специально уполномочен на это епископом или инквизитором, действуя таким образом в качестве одновременного представителя Папы Римского и Императора [8, с. 305]. Епископ является постоянно действующим представителем церковной власти на конкретной территории (епархии) [7]. Инквизитор – специальный эмиссар Римского папы, направляемый в определенное государство или регион для преследования ереси [6].

Подозреваемый, обвиняемый, подсудимый

Предметное содержание процессуального статуса лица, в отношении которого ведется дело, из текста Трактата видится достаточно неопределенным. Несмотря на использование таких терминов, как «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый», они не несут такого определенного смыслового значения, как в современном процессе. Некоторые виды подозрений сами по себе содержат признаки оконченного преступления и влекут наказание. Поэтому полагаем, что если речь не идет о преюдиционном решении суда о признании лица подозреваемым в ереси, то его следует воспринимать как того, в отношении которого ведется дело, но не вынесено окончательное решение.

Страна защиты

Современный уголовный процесс в качестве основных участников со стороны защиты указывает подозреваемого, обвиняемого, законного представителя и защитника.

Инквизиционный процесс, вопреки распространенным стереотипам, имел признаки состязательности. В частности, подозреваемый в колдовстве обладал правом на защиту, которое реализовалось в предоставлении адвоката, выступающего на его стороне в судебном процессе, а также в ознакомлении с сутью обвинения. Данные права сохранились

в современном процессе и нашли выражение в статье 47 УПК РФ. Следует, однако, отметить, что адвокат назначается не по указанию подсудимого, так как, по мнению Г. Крамера, в противном случае тот может быть «легко подкуплен, будет охоч к словоизречениям и злонамерен» [8, с. 306]. В трактате указываются требования к личным качествам адвоката – честность, лояльность, скромность (чтобы не быть дерзким или многоречивым), любовь к истине. Если в колдовстве подозревается женщина, то адвокат действует от ее имени, поскольку женщина не может быть субъектом уголовного процесса. Также защитник может быть предоставлен не с самого начала следствия, а только после проведения двух допросов.

При вступлении в процесс защитнику предоставляется возможность ознакомиться с материалами дела, чтобы он мог для себя сделать вывод о виновности либо невиновности подзащитной. Указанное право также сохранилось в современном уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 53 УПК РФ). Адвокату следует принимать на себя защиту обвиняемого лишь в том случае, если он сочтет дело правым, в противном случае необходимо отказаться от дела. За участие в процессе адвокату положено вознаграждение, обычное в данной стране, однако в том случае, если он отказывается от дела ввиду безнадежности, то полученные средства он обязан вернуть подзащитному [8, с. 307]. Г. Крамер подчеркивает, что функция защитника – защищать не ересь, а невинного от ложного обвинения в ней.

В одиннадцатом вопросе третьей части Трактата описываются обязанности защитника. После получения от судьи основных пунктов обвинения, он должен передать их обвиняемому без указания имен свидетелей, предложив самостоятельно догадаться. При этом адвокату следует провоцировать подзащитного сообщить имена лиц, которые, по его мнению, дали ложные показания, чтобы выявить врагов. Указанные подзащитным имена адвокат передает судье, который должен расследовать эти обстоятельства на предмет возможной вражды свидетелей с подсудимым и ложного обвинения. В случае установления таких обстоятельств обвиняемый подлежит полному оправданию и освобождению при условии отказа от мести [8, с. 309].

Иные участники процесса

Помимо судьи, в процессе участвуют помощники. У светского судьи – нотариус, у инквизитора – клирик. В их функции входит удостоверение решений судьи и инквизитора, а также они зачитывают текст обвинения в судебном заседании [8, с. 343]. В Трактате также упоминаются писцы, ведущие протокол, и свидетели, играющие роль понятых (в современном российском законодательстве регламентировано ст. 60 УПК РФ).

Отводы

Глава 9 УПК РФ предусматривает ряд обстоятельств, исключающих возможность участия лица в уголовном судопроизводстве и влекущих их отвод. Аналогичный раздел имеется в Трактате.

С целью достижения цели уголовного процесса, а именно установления истины по делу, предполагалась возможность отвода свидетелей, находящихся с обвиняемым в колдовстве в смертельной вражде. К такой вражде относится желание человека причинить смерть,увечье либо лишить доброго имени. Иные формы неприязни, такие как «свойственное женщинам враждование», не влекут автоматический отвод таких свидетелей, однако требуют от судьи более пристальной проверки данных показаний, а также подтверждения иными доказательствами. Однако в отношении таких свидетелей может быть применен отвод в том случае, если сам подсудимый относит их к своим смертельным врагам [8, с. 299]. При этом отвод свидетелей, находящихся в смертельной вражде, возможен лишь при отсутствии иных доказательств, в противном случае такие показания остаются в деле, но воспринимаются лишь как косвенные [8, с. 311].

Двенадцатый вопрос третьей части трактата посвящен вопросу исследования смертельной вражды. Чтобы судья мог лучше постигнуть ее сущность, Г. Крамер предлагает ряд тактических приемов.

Первый – предоставить обвиняемому и адвокату обвинительный материал с перечнем свидетелей, представленным в порядке, не соответствующем их показаниям в материалах дела. После этого обвиняемому предлагается указать на своих смертельных врагов. Если он указывает на всех свидетелей, то это дает основания для сомнения в его показаниях. Если называет конкретных лиц то это облегчает установление истинной сущности вражды.

Следующий способ предполагает установление у подозреваемого после второго допроса, но перед предоставлением ему адвоката наличия смертельных врагов, способных дать ложные показания. Не искушенный в юридических вопросах обвиняемый, не осведомленный об институте отвода, может ответить на вопрос отрицательно. Однако в случае, если он назовет своих смертельных врагов и они окажутся среди свидетелей обвинения, это может служить направлением для судьи по поводу проверки их показаний.

Также подозреваемому перед предоставлением адвоката может быть предложено ознакомиться со списком свидетелей, давших обличающие показания (без предъявления их содержания). Если на вопрос, знает ли он кого-либо из этого списка, подозреваемый ответит отрицательно, то позже, после общения с защитником, уже не сможет указать на это лицо как на смертельного врага.

Следующий прием предполагает ознакомление подсудимого с обвинительным материалом и выяснение его предположений относительно тех, кто дал

изобличающие показания в отношении него. Если подозреваемый правильно определяет свидетеля и указывает на него как на смертельного врага, судье следует исследовать данное утверждение. При этом рекомендуется обратиться за помощью к совету свидетельствующих людей, хорошо осведомленных об отношениях, сложившихся между обвиняемым и свидетелем. Данный совет должен окончательно решить вопрос о наличии смертельной вражды [8, с. 312–315].

Обстоятельства, подлежащие доказыванию

Как и в современном уголовном процессе, обстоятельствами, подлежащими доказыванию судом инквизиции, является факт совершения преступления, а также виновность лица, в нем подозреваемого, обстоятельства, характеризующие его личность, характер и размер вреда, причиненного его действиями, отягчающие и смягчающие обстоятельства, и данные, влияющие на возможность освобождения его от наказания.

Как упоминалось нами выше, в основе инквизиционного процесса стоит совершение лицом преступления против веры, а именно исповедование еретического учения, либо колдовство. Согласно А. Шенонну, под ересью следует понимать намеренное отрицание артикулов католической веры и открытое и упорное отстаивание ошибочных воззрений. Еретику должен признаваться верующий, знакомый с католической доктриной и тем не менее отрицающий ее и проповедующий нечто, противоречащее ей [18].

Доказательства и доказывание

В качестве доказательств, изначально указывающих на вину лица и служащих основанием для подозрения, является его опороченность, признаки колдовства, а также показания свидетелей. К таковым следует относить очевидность поступка (когда виновный был застигнут при совершении деяния, имеющего признаки ереси, такого как открытая проповедь еретического учения, высказанная при свидетелях угроза, после которой наступили последствия, и т. д.), единодушные показания свидетелей и собственное признание вины [8, с. 302, 311, 355]. В случае, если предметом подозрения является колдовство, причинившее вред людям либо имуществу, то доказыванию в том числе подлежит причинная связь между действием подсудимой (к примеру – угроза) и последствием. Г. Крамер по этому поводу отмечает, что болезни могут иметь различные источники, а женщинам свойственно использовать угрозы в спорах между собой. Соответственно, причинная связь должна подтверждаться иными доказательствами [8, с. 311].

Современное уголовно-процессуальное законодательство обязывает следователя, прокурора и судью оценивать каждое отдельное доказательство с точки зрения его относимости (имеет отношение

к конкретному рассматриваемому делу), допустимости (получено законным путем, надлежащим субъектом, из надлежащего источника и получившее соответствующее процессуальное оформление), достоверности (содержит сведения, соответствующие действительности), а всю совокупность доказательств – на предмет достаточности для принятия решения по уголовному делу (ст. 88 УПК РФ).

Подобные требования к доказательствам можно проследить и в тексте Трактата. Остановимся более подробно на достаточности доказательств, позволяющих осудить подозреваемого в колдовстве, в отношении которого свидетельствовала сожженная ранее ведьма. Данной теме посвящен тридцать третий вопрос третьей части произведения, согласно которому один факт свидетельства сожженной ведьмы, не подтвержденный иными доказательствами, сам по себе является недостаточным, и лицо подлежит полному оправданию [8, с. 364]. Г. Крамер обращает внимание на тот факт, что ведьма уже приговором суда была уличена в измене вере и служению бесу, в связи с чем ее свидетельство заслуживает малого доверия. Таким образом, в Трактате можно проследить признаки современной процессуальной преюдиции, а именно учет ранее вынесенного приговора при оценке доказательств по новому делу (в современном российском законодательстве регламентировано ст. 90 УПК РФ). В случае, если помимо показаний другой ведьмы о человеке идет дурная молва, но отсутствуют иные улики, лицу назначается каноническое очищение. В случае, если лицо является легкоподозреваемым в ереси, например мужчина принимал советы и помочь ведьмы в вопросе соблазнения женщины, либо вследствие показаний другого лица, взятого под стражу, то ему также назначается каноническое очищение, а также произнесение клятвы отречения от ереси. Сильноподозреваемый в ереси (к примеру, вследствие воспрепятствования действиям инквизиции по преследованию ведьм и еретиков), на которых указала сожженная ведьма, приговаривается к публичному отречению от ереси под угрозой передачи светской власти. Если лицо вызывает сильнейшее подозрение в ереси в силу комплекса доказательств, в числе которых имеются показания сожженной ведьмы, то он приговаривается к пожизненному заключению. Последний случай предполагает наличие уличающих показаний сожженной ведьмы в отношении лица, признавшегося в ереси и раскаявшегося, не будучи при этом ранее раскаявшимся еретиком. Такое лицо передается светским властям для назначения наказания [8, с. 363–367].

Обращает на себя внимание тот факт, что объем доказательств определяет конечную квалификацию преступления и, как следствие, назначаемое наказание. В данном вопросе инквизиционный процесс отличается от современного, где характер обвинения не коррелирует с объемом фактически полученных доказательств.

Также в качестве примера достаточности доказательств можно привести описываемый в тридцать четвертом вопросе процесс в отношении ведьм, врачующих околдованием, и повивальных бабок, применяющих колдовство при лечении больных. В качестве доказательств судье следует обращать внимание на сохранение подозреваемой в тайне средств лечения, их осведомленность о скрытых вещах, избирательность при лечении людей со схожими симптомами и т. д. Также Г. Крамер рекомендует обращать внимание на преклонный возраст врачевательницы, скверный образ жизни, уличение ее в прелюбодеянии, а также на наличие в ее роду осужденных за колдовство [8, с. 367–370].

Во втором вопросе третьей части Трактата приводится пример формального количества доказательств, при условии которых обвинение в колдовской ереси должно считаться доказанным, – двух свидетелей, согласных в своих показаниях. Однако Г. Крамер, обращая внимание на тяжесть преступления и серьезность наказания, рекомендует не ограничиваться формальным подходом к достаточности доказательной базы, а стремиться получить максимально возможный объем улик [8, с. 396–397]. Это свидетельствует о стремлении к максимально объективной оценке действий подсудимого и исключении возможности осуждения невиновных.

Признание вины

Отдельного внимания заслуживает признание подсудимым своей вины и его доказательственное значение. Одним из стереотипных представлений об инквизиции является ее стремление получить от подсудимых самоинкриминирующие показания любым способом, включая применение пытки [3]. Отчасти это соответствует действительности, однако мотив таких действий, как правило, трактуется ошибочно. Необходимо принимать во внимание особенности религиозного мировоззрения людей той эпохи, основанного на христианском понимании места человека в мире и повсеместной вере в существование бессмертной души и загробной жизни [10]. Следует отметить, что целью получения признания, с точки зрения Г. Крамера, является не осуждение невиновного, а спасение его души. Признание – это путь к раскаянию и спасению души христианина, впавшего в ересь. Добиваться признания следует только при наличии иных веских доказательств вины, и делать это исключительно в интересах самого подсудимого [12].

Признание вины имело, помимо прочего, процессуальное значение. Прежде всего, законом запрещалось назначать наказание в виде смертной казни лицу, не сознавшемуся в преступлении, даже в случае наличия иных доказательств, убедительно изобличающих его в ереси [8, с. 315]. Полагаем, что подобное правило имело под собой в первую очередь религиозное основание. Казнь нераскаявшегося лица лишала его душу возможности спасения, поскольку при наличии доказательств вины, но при отсутствии

раскаяния еретик считался нераскаявшимся [8, с. 336]. В связи с этим Г. Крамер неоднократно упоминает, что смертный приговор не может быть произнесен над тем, кто не сознался в совершенном преступлении [8, с. 333], и правда должна прозвучать из уст самого подсудимого [8, с. 320]. При этом различаются два вида признания – добровольное (являющееся предпочтительным) и вынужденное [8, с. 333].

Автор описывает несколько изощренных способов получения признания.

Если процесс осуществляется над ведьмой, которая не признает свою вину, то к ней следует подослать достойного уважения мужчину из круга ее общения, которому она доверяет, – ему необходимо завести разговор о том, что может ее изобличить. В это время за дверями должны находиться свидетели, которые слушают все сказанные ведьмой слова [8, с. 327].

Второй способ заключается в следующем: обвиняемому сообщается, что в связи с неопровергимостью доказательств его вины и отсутствием признания он будет подвергнут пытке. После этого обвиняемый водворяется в камеру, где должен в одиночестве ожидать начала допроса. В это время к нему могут быть допущены друзья, чтобы склонить к добровольным показаниям. Г. Крамер утверждает, что «упорные размышления, тяжкие условия заключения и увещевания достойных уважения людей часто склоняют обвиняемого к раскаянию» [8, с. 340].

Следует отметить, что в современном уголовном процессе показания обвиняемого также признаются доказательством. Тем не менее согласно части 2 статьи 77 УПК РФ самоинкриминирующие показания сами по себе не являются достаточными и должны подтверждаться иными доказательствами.

Пытка

Анализируя средневековый процесс, нельзя обойти вниманием такой метод получения признания, как пытка. На вопрос о том, устраивались ли инквизицией допросы с применением пытки, можно со всей уверенностью ответить утвердительно. Г. Крамер рассматривает ее как одну из разновидностей следственных действий и достаточно подробно описывает мотив, цель, а также правовые основания и процессуальный порядок ее проведения.

Прежде всего необходимо еще раз напомнить, что целью применения пытки является установление истины и получение признания [8, с. 320]. Соответственно, если пытуемый из-за слабого характера, с целью прекращения своих мучений подтверждает ложные показания, главная цель применения пытки – произнесение подсудимым правды – не может считаться достигнутой [8, с. 340]. Также Г. Крамер указывает на криминалистическое значение пытки, позволяющей выявить колдовские признаки в пытуемом, такие как отсутствие слез, нечувствительность к боли, скорое восстановление сил после процедуры и т. д. [8, с. 347].

Говоря о процессуальном порядке применения по отношению к подсудимому пытки, необходимо отметить, что обвиняемые подвергались ей лишь в тех случаях, когда были исчерпаны все остальные способы получения признательных показаний от лиц, виновность которых в еретичестве и колдовстве была установлена и доказана [8, с. 339]. Пытка может назначаться только за те преступления, которые наказываются смертной казнью [8, с. 317]. При этом назначаться пытка может только совместным решением епископа и инквизитора [8, с. 292]. В качестве процессуальных предпосылок назначения пытки Г. Крамер указывает на отсутствие признания вины при очевидности преступления, наличие доказательственных инкриминирующих показаний свидетелей, весомых улик. Пытка назначается путем произнесения приговора, объявляемого подсудимому [8, с. 339].

Перед началом пытки судья предпринимает последнюю попытку получить признание без применения насилия, для чего присужденного к пытке, помещенного в тюрьму, посещают его друзья, пытающиеся убедить его признаться. По свидетельству Г. Крамера, размышления о предстоящей пытке, тяжкие условия нахождения в тюрьме и увещевания часто способствуют тому, что ведьмы отрекаются от ереси и дают признание [8, с. 318].

В случае если избежать пытки невозможно, суду следует принять меры предосторожности, чтобы не попасть под околодование ведьмы, выражющееся в форме жалости, в результате которой сердца судьи и заседателей теряют свою суворость, что может привести к ее оправданию. Для этого ведьму следует приводить в зал суда спиной и не допускать, чтобы она видела кого-либо, кроме своих палачей [8, с. 323]. Также в целях безопасности перед началом пытки подсудимый раздевается, чтобы среди его одежды не было спрятано магических предметов, которые могли бы воспрепятствовать суду [8, с. 318], все волосы на теле сбиваются [8, с. 323]. Если пытается ведьма, то указанные процедуры производят почтенные женщины [8, с. 318].

После подготовительных процедур подсудимый передается палачам, которые в его присутствии должны приготовить орудия пытки, чтобы вызвать у него страх и последний раз склонить к признанию. Далее начинается умеренная пытка, без кровопролития [8, с. 318]. В процессе пытки может быть в любой момент остановлена любым из присутствующих, чтобы инициатор мог постараться увещевать пытуемого [8, с. 318]. Относительно тяжести применяемой пытки Г. Крамер отмечает, что она должна соответствовать тяжести совершенного преступления [8, с. 319].

После начала пытки судья приступает к допросу с наименее тяжких пунктов обвинения, так как по ним проще всего получить признание [8, с. 319]. Весь ход допроса записывается нотариусом. В случае если пытуемый сознался, пытка приостанавливается и он переводится в другое помещение для снятия показаний. Если умеренные пытки не привели к результату

и подсудимый не признал вины, ему демонстрируются более страшные орудия и сообщается, что пытка продолжится на следующий день. Следует отметить, что это является не повторением пытки, а продолжением ранее начатой, так как законом запрещено пытать человека дважды при отсутствии новых улик [8, с. 319–320]. Г. Крамер рекомендует перед назначением более тяжкой пытки наблюдать за пытуемым, чтобы определить, обладает ли он даром упорства, позволяющим ему противостоять боли, так как «благодать пролития слез» является даром Бога. Соответственно, отсутствие слез (в особенности у женщин) является убедительным признаком действия колдовских чар [8, с. 321–322]. В отдельных случаях, при отсутствии в отношении подсудимого сильного или тяжкого подозрения, слезы могут служить доказательством невиновности и подсудимый может быть освобожден [8, с. 322].

Во второй день пытки ведьму поднимают на дыбе, пытка продолжается, в ее процессе читаются инкриминирующие показания свидетелей [8, с. 326]. Если в течение трех дней от пытуемого лица не было получено признания, пытка прекращается [8, с. 340].

Г. Крамер отдельное внимание уделяет возможности обещания пытуемому жизни в случае признания им вины. Данную проблему можно решить тремя способами. Первый – это обещать жизнь, но умолчать о том, что в случае признания подсудимый будет приговорен к пожизненному заключению. Второй способ – дать обещание жизни, однако выдержать его некоторое время, после чего все равно предать подсудимого сожжению. Третий способ – обещать сохранить жизнь, после чего передать подсудимого другому судье для вынесения смертного приговора. Г. Крамер рекомендует прибегать к первому способу, добавляя, что многие ведьмы упорствуют при допросе лишь из страха смерти [8, с. 318–319].

Меры пресечения

Современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает широкий перечень мер, применяемых к обвиняемому для обеспечения уголовного судопроизводства, прежде всего для предупреждения возможности его бегства, попытки оказывать влияние на других участников процесса, а также продолжения преступной деятельности (ст. 97 УПК РФ). Аналогичные меры упоминаются Г. Крамером. В отличие от современного УПК РФ, в Трактате рассматриваются только две возможные меры пресечения, применяемые к лицу, подозреваемому в еретичестве, – заключение под стражу и личное поручительство. Основанием для применения обеих мер пресечения является наличие худой молвы, улик и инкриминирующих показаний свидетелей. В случае, если найдется достойный уважения человек, готовый поручиться за подозреваемого, то последний может быть отпущен до суда. Если он скрылся, то

преступление считается доказанным. Если поручителя не нашлось и есть основания подозревать обвиняемого в возможности скрыться, то он помещается в темницу. В любом случае выбор меры возлагается на личное усмотрение судьи [8, с. 303]. Г. Крамер призывает при аресте ведьмы соблюдать меры предосторожности, рекомендует поднимать ее над землей и уносить в камеру в корзине или на плечах, так как это позволяет избежать в дальнейшем упорства и запирательства при допросе [8, с. 34].

В момент задержания подозреваемого следует произвести тщательный обыск по месту его жительства с целью обнаружения орудий колдовства и иных доказательств вины [8, с. 304].

Процессуальные сроки

Статья 6.1 УПК РФ предписывает осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок, нарушение которого причиняет вред правам и интересам участников процесса.

Рассуждая о сроках процесса по делам о еретичестве, Г. Крамер указывает на необходимость сокращенного судопроизводства, лишенного излишних формальностей. Судье следует пресекать излишние словопрения, тормозящие разбор дела апелляции, а также пререкания защитников и вызов ими излишних свидетелей [8, с. 399].

Возбуждение уголовного дела (поводы и основания, порядок)

Согласно принятому нами порядку соотнесения инквизиционного процесса с современным законодательством далее необходимо рассмотреть этапность данного процесса.

Первый этап, который можно условно отождествить с современной стадией возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ), описывается в первом вопросе третьей части Трактата «О том, как начинать процесс». Приводится три основания, которые могут послужить поводом к открытию процесса.

Первое – если кто-либо выступит с обвинением другого лица в еретичестве и предъявит доказательства. При этом бездоказательное обвинение может послужить основанием для наказания за ложные сведения.

Второе – обвинение предъявляется лицом, которое не ручается за достоверность своих сведений и не готово представить доказательства (так называемый денунциант – доноситель). Указанное лицо доносит о преступлении в силу рвения в вере.

Третье основание – это дошедшая до слуха инквизитора молва о том, что в определенной местности появились ведьмы и колдуны. Последний процесс называется инквизицией [8, с. 293]. Г. Крамер отмечает, что первое основание практически не применяется, и большинство процессов начинается либо путем денунциации, либо путем инквизиции.

В данном случае, сравнивая с современным уголовно-процессуальным законодательством, можно также отметить значительное сходство в логическом подходе к процедуре начала уголовного судопроизводства. В Трактате основанием является информация о совершении преступления против веры, поводами – сообщение о конкретном лице либо получение информации из иных источников.

Начало процесса

Процесс денунциации начинается с общегозыва свидетелей. По указанию судьи на дверях церквей и административных зданий вывешивается объявление о том, что каждый под страхом отлучения от церкви должен в течение 12 дней явиться и разоблачить перед судом лиц, о которых идет молва как о еретиках или о ведьмах. В случае, если преследование осуществляется светским судьем, то он предупреждает о светском наказании за неисполнение данного предписания. При этом общественности сообщается, что любой денунциант освобождается от ответственности в случае неподтверждения его доноса. Явившиеся денунциаты дают свои показания судье в присутствии нотариуса, а также двух понятых, ведется протокол [8, с. 294–295]. Перед дачей показаний денунциант дает присягу на четырех Евангелиях Господних или на кресте, клянется говорить только правду. В ходе допроса судья должен выяснить у денунцианта, откуда он знает об описываемых событиях и видел ли он это сам. Если допрашиваемый является очевидцем, то следует выяснить, кто еще при этом присутствовал. Если он только слышал о преступлении, то должен рассказать, от кого и кто еще при этом присутствовал. Перечисленные вопросы задаются денунцианту после основных показаний. После окончания допроса ему предлагается еще раз на четырех Евангелиях либо на кресте дать клятву, что его донос не основан на злой воле, ненависти или злобе и он ничего не скрыл из-за чувства расположения к подозреваемому. Также ему предписывается хранить молчание о своем допросе [8, с. 296].

Наиболее распространенный процесс инквизиции происходит без вызова денунциантов и обвинителей. Основанием, как упоминалось выше, является получение инквизитором информации о том, что в конкретной местности действует ведьма либо колдун. В таком случае процесс начинается объявлением единоличного решения инквизитора, зачитанного в присутствии нотариуса, писца и двух свидетелей [8, с. 296].

Допрос свидетеля

Четвертый вопрос третьей части Трактата посвящен требованиям, которым должны удовлетворять свидетели. Так, свидетелями в религиозных процессах могут быть любые лица, в том числе отлученные от церкви, преступники, крепостные против своих

владетелей, раскаявшиеся клятвопреступники, еретики и даже ведьмы. К свидетельству допускаются супруги, сыновья, домочадцы [8, с. 298]. При этом лица, находящиеся с подозреваемым в смертельной вражде, о которой нами было упомянуто выше, к свидетельству не допускаются. Показания лиц, испытывающих к подсудимому вражду, не являющуюся смертельной, могут расцениваться как косвенные доказательства [8, с. 310].

Трактат предусматривает возможность принуждения свидетелей к даче показаний под угрозой обвинения их самих в еретичестве. Следует отметить, что современное законодательство знает примеры ответственности свидетелей за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). Параграф 70 УПК ФРГ устанавливает в качестве меры процессуального принуждения свидетеля, безосновательно отказывающегося от дачи показаний, арест на срок до 6 месяцев [4, с. 107].

При допросе свидетеля присутствуют судья, нотариус или писец, два понятых [8, с. 301]. Личности денуниантов и свидетелей скрываются от подсудимого, с целью защиты от мести, опасность которой выражается в знатности семьи подсудимого, силе денег и злобе [8, с. 305].

Привлечение эксперта

УПК РФ предусматривает возможность привлечения к участию в уголовном процессе лиц, обладающих специальными знаниями в отдельных областях (ст. 57–58 УПК РФ). Аналогичные положения содержатся в Трактате.

В случаях, когда предметом расследования является околдование человека, вызвавшее ухудшение здоровья, суду предписывается пользоваться помощью сведущих в медицине лиц, которые должны ответить на вопрос, может ли болезнь быть излечена естественными способами современной медицины либо имеет место околдование [8, с. 311].

Допрос обвиняемого

Большое внимание в Трактате уделяется тактике допроса обвиняемого, который разделяется на несколько актов. Прежде всего выясняется происхождение, место жительства, информация о родителях, обстоятельства их смерти, обстоятельства воспитания, круг знакомых. Также следует осведомиться, верит ли лицо в существование ведьм и их способность к колдовству. Г. Крамер указывает на то, что на первом допросе большинство ведьм и колдунов, чтобы отвести от себя подозрение, отвечают на данный вопрос отрицательно [8, с. 301].

В ходе второго акта допроса обвиняемому задаются вопросы по сути подозрения, к примеру, почему о нем идет дурная молва, что побудило его высказывать угрозы, после которых вскоре наступила порча, зачем он прикоснулся к человеку, который вскоре заболел, и т. д. [8, с. 301–302].

В случае, если обвиняемый просит очной ставки с денунициатами и свидетелями, дающими инкриминирующие показания, ему следует отказать, так как противное ставит жизнь лиц, давших против него показания, под угрозу [8, с. 305]. Как нами упоминалось выше, одной из целей допроса обвиняемого являлось признание им своей вины и раскаяние. С этой целью Г. Крамер полагает уместным применение пытки и иных уловок, которые описывались нами выше. Однако также следует напомнить, что такие методы применяются только к лицу, чья вина подтверждается другими доказательствами, не вызывает сомнений у судьи и преследует цель не осуждения невинного, а спасения его души раскаянием.

Вынесение приговора

По окончании судебного процесса судья выносит приговор. В Трактате описывается три разновидности приговора – временный (промежуточный), окончательный и предписанный. Указанные разновидности приговора представляют различные формы процессуального выражения судебного решения.

Первый из них – промежуточный, имеет процессуальное значение современного определения суда, принимаемого судьей единолично, не решающего дела по существу и касающегося только текущих вопросов судебного разбирательства [11], к каковым относятся отвод свидетелей, отсрочка вынесения приговора или применения наказания и т. д. [8, с. 333].

Окончательный приговор – разрешает процесс и содержит решение по всем пунктам обвинения, включая наказание [8, с. 333–334].

Последний вид приговора – предписанный, является формой разъяснения, которое вышестоящий судья дает нижестоящему по вопросу о том, как надлежит действовать в отношении подсудимого [8, с. 334]. Полагаем, что он имеет значение современных постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Нарушение формы вынесения и провозглашения приговора (к примеру, решение может произноситься судьей только днем) влечет его недействительность, при этом не имеет значения, произносится он устно, без предварительного написания либо читается с ранее составленной рукописи. Приговор может быть прочтен лично судьей или его заместителем.

Г. Крамер также указывает на два основания предоставления отсрочки исполнения приговора – когда осужденная является беременной на момент вынесения приговора – до момента родов, а также в случае, если осужденный ранее признал вину, после чего начал ее отрицать [8, с. 334].

Виды судебных решений

В Трактате содержится подробное описание формы и содержания приговоров, выносимых при получении различных результатов судебного следствия.

Так, первый способ произнесения приговора – оправдательный в отношении невиновного лица, описывается в двадцатом вопросе третьей части Трактата. Анализируя рекомендуемую структуру текста, можно выделить характерные и для современных судебных актов основные структурные элементы – вводную часть, описательно-мотивированную и резолютивную. Так, сначала приводятся сведения о судье, обвиняемой и сути обвинения. В дальнейшем описываются содержание обвинения и материалы, полученные в ходе следствия, а также результаты следствия – «мы не нашли, чтобы то, что ставилось в вину, получило свое законное подтверждение». В резолютивной части содержалось следующее распоряжение: «мы объявляем, объясняем и окончательно постановляем, что против тебя не найдено ничего, что могло бы привести к подозрению в ереси или колдовстве. И мы прекращаем следствие и процесс против тебя и освобождаем тебя. Этот приговор произнесен».

Г. Крамер при вынесении оправдательного приговора рекомендует избегать употребления слова «невиновен», заменив его словами «законное разбирательство не выявило преступления», что по смыслу означает, что не было добыто достаточных доказательств вины. Это позволяет возобновить процесс в случае появления новых доказательств преступления. Такой приговор может произносить как духовный судья, так и светский [8, с. 336–337].

Второй способ произнесения приговора приводится в двадцать первом вопросе третьей части Трактата. Он применяется в отношении обвиняемого, о котором идет дурная молва, но нет иных доказательств занятия колдовством. Указанное, по мнению Г. Крамера, уже исключает вынесение оправдательного приговора и требует присуждения к каноническому очищению, чтобы о лице пошла добрая молва среди верующих. При этом предписывается, где, в какое время и в присутствии какого количества свидетелей должно происходить очищение. Каноническое очищение заключается в произнесении на Евангелии клятвы о том, что осужденный никогда не придерживался ереси, в которой его обвиняет молва, и никого на нее не наставлял. Свидетели должны поклясться на Евангелии, что считают произнесенную клятву правдивой. Указанное очищение должно происходить в той местности, в которой об осужденном шла дурная молва [8, с. 337–338].

Третиим способом, описанным в двадцать втором вопросе третьей части Трактата, произносится приговор в отношении лица, о котором идет дурная молва и которое подлежит допросу под пытками. Основания применения пыток нами были описаны выше. Полагаем, что указанный приговор является разновидностью промежуточных судебных актов [8, с. 339–340].

Четвертый способ произнесения приговора применяется к легкоподозреваемому в еретичестве, в отношении которого имеются только косвенные улики. При этом в ходе следствия не было получено признания вины, вещественных доказательств, обличающих виновного показаний свидетелей. В таком случае виновный присуждается к публичному отречению от ереси. Данное отречение произносится на местном языке при собрании общины и является формой очищения от подозрения. После этого судья предупреждает осужденного о том, что в случае, если он после отречения вновь впадет в ересь, то будет считаться сильноподозреваемым и будет без сожаления передан светским властям для последнего наказания [8, с. 341–342].

Пятым способом, приведенным в двадцать четвертом вопросе третьей части Трактата, произносится приговор в отношении сильноподозреваемого. Как нами упоминалось выше, к таковым относятся лица, в отношении которых даны обличающие показания, но нет свидетельских показаний, вещественных доказательств и личного признания. Тем не менее имеющиеся улики вызывают сильное подозрение. В такой ситуации лицо присуждается к каноническому очищению, описанному в четвертом способе. После отречения в отношении подсудимого выносится приговор. Г. Крамер указывает, что очистившемуся таким образом сильноподозреваемому не может быть назначено ни сожжение, ни пожизненное заключение. Однако он может быть наказан за те поступки, которые возбудили подозрение в ереси, заключением на определенное время. Вместе с основным уголовным наказанием может быть назначено дополнительное духовное, к примеру стояние на паперти церкви с куском воска определенного веса, совершение паломничества [8, с. 343–345].

Шестым способом, описанным в двадцать пятом вопросе третьей части Трактата, произносится приговор в отношении лица, вызывающего сильнейшее (тяжкое) подозрение, критерии которого были описаны ранее. Лицо, не раскаявшееся в ереси и не принявшее покаяние, может быть передано светским властям для сожжения. Однако в случае, если лицо под угрозой казни пройдет каноническое очищение, приведенное в четвертом и пятом способах произнесения приговора, судья может снять с него отлучение и назначить наказание. Таковое может заключаться, в зависимости от тяжести проступка, в пожизненном либо временном заключении, обязанности ношения монашеского скапулярия¹, обязанности стоять на ступенях церкви определенное время в определенные дни и т. д. При этом суд оставляет за собой право в будущем смягчить, усугубить, изменить, а также полностью или частично освободить от наказания. Г. Крамер

¹ Скапулáрий (от лат. *scapula* – лопатка) – в католицизме название элемента монашеского одеяния, впоследствии перешедшее также на особый освященный предмет («малый скапулáрий»), носимый католиками по обету. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1333846>.

отмечает, что целью применения наказания является предостережение самого осужденного и других лиц от совершения подобных преступлений в будущем [8, с. 345–348]. В данном случае уместной видится аналогия с декларируемыми современным уголовным законодательством целями наказания – исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 3 ст. 43 УК РФ)¹.

Наказание

Двадцать шестой вопрос Трактата посвящен видам церковных наказаний, возлагаемых на раскаявшихся еретиков, сопровождающих клятвенное очищение. К таковым могут относиться: обязанность в определенные воскресные и праздничные дни стоять босиком с обнаженной головой перед дверями церкви во время богослужения, держа в руках воск определенного веса, который необходимо было возлагать на алтарь после окончания службы, пост по установленным дням в течение некоторого времени, запрет на выезд из города на определенный срок, представление епископу либо судье в установленные дни и т. д. Такой приговор может быть смягчен или отменен в соответствии с раскаянием и смиренением осужденного [8, с. 350].

Двадцать восьмой вопрос Трактата описывает действия, предпринимаемые в отношении лица, повторно впавшего в ересь и ранее проходившего отречение и очищение. Указанный случай в современном уголовном законодательстве определяется как рецидив, расценивается как обстоятельство, повышающее степень опасности личности, и, как следствие, влечет более строгое наказание (ст. 18 УК РФ). В рамках средневекового религиозного процесса совершение преступления в состоянии рецидива предполагало безальтернативное наказание в виде смертной казни. При этом, как отмечалось ранее, вопросу телесной смерти в тот период придавалось меньшее значение, чем спасению души. Поэтому Г. Крамер предписывает судье направить к осужденному в темницу двух заслуживающих уважения мужчин, чтобы они сообщили ему новость о неизбежности предстоящей казни и убедили позаботиться о спасении души, очистив ее признанием преступления и принятием Святого причастия.

После получения раскаяния инквизитор уведомляет представителя светской власти о месте и времени передачи ему впавшего в ересь преступника. Если осужденный обладает духовным саном, то перед передачей светским властям указанный статус с него снимается епископом путем проведения обряда низложения и последовательного снятия церковных облачений.

В дальнейшем судья либо, по его поручению, нотариус или клирик оглашают приговор. Он должен содержать обстоятельства первоначального преступления, сведения об отречении и последующем очищении, а также указание на повторное впадение в ересь, с перечислением обстоятельств нового преступления. Приговор завершается формулой «и как одного из повторно впавших в ересь, мы отстраняем тебя от нашего духовного суда и предоставляем тебя светской власти. Но мы просим светский суд умерить приговор, чтобы тебе не угрожало ни кровопролитие, ни опасность смерти». Г. Крамер по данному поводу указывает, что инквизитор в момент произнесения таких слов осведомлен о неизбежности казни как единственного безальтернативного наказания за совершение еретического преступления в состоянии рецидива, таким образом он отстраняется от дальнейшей судьбы осужденного. Автор рекомендует избегать сообщения о предстоящем наказании и общения с осужденным, чтобы он не был озлоблен лично на судью. Вместо этого, как упоминалось выше, к нему направляются люди, к которым он должен испытывать доверие, чтобы они подготовили его к принятию смертной казни, укрепили веру и смирение и сопровождали до самой смерти [8, с. 350–353].

Аналогичным образом выносится приговор в отношении лиц, признавших вину в ереси и нераскаявшихся, включая тех, кто совершил преступления в состоянии рецидива [8, с. 353–355].

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, заявленную гипотезу о значительном вкладе представителей инквизиции в формирование современного уголовного процесса можно признать подтвержденной. Безусловно, инквизиционный процесс обладает рядом черт, противоречащих современным принципам, таким как независимость судей, уважение чести и достоинства личности, ее неприкосновенность, презумпция невиновности, право на обжалование процессуальных действий и решений. Такие принципы, как состязательность сторон и право обвиняемого на защиту, хотя и присутствовали, выражались в значительно более ограниченной форме. Общая обвинительная направленность инквизиционного процесса также отдаляет его от современности. Вместе с тем наставления по ведению инквизиционного процесса, изложенные в Трактате, обладают внутренней логикой, описывают ход и результаты следственных и процессуальных действий с момента начала преследования и до вынесения приговора. Не принимая во внимание религиозной направленности процесса и спорного в современных условиях предмета расследования и оценивая его с внешней, процессуальной точки зрения, можно отметить схожую с современностью цель – установление

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

истины, защиту невинных от ложного обвинения. С этой целью судебный процесс предусматривает институты отвода свидетелей, ответственность за ложные показания, а также участие защитника. Применение инквизиционными судами пытки, напротив, не носит криминалистический характер и не имеет отношения ни к получению доказательств вины подсудимого, ни к стремлению осудить невиновного. Она имеет исключительно религиозную природу, основанную на ложном для современного человека, но вполне логичном для обладающих мистическим мышлением людей той эпохи понимании ценности спасения человеческой души. Схожие подходы к собиранию и оценке доказательств сохранились в современном уголовном процессе, криминалистической тактике и методике: совершение преступления как основание уголовного судопроизводства; разрешение вопроса подследственности и подсудности по различным видам уголовных дел; основные принципы уголовного судопроизводства, направленность процесса на исключение осуждения невинных; формальное закрепление статуса различных участников судопроизводства; наличие определенной состязательности и возможности обвиняемого защищать себя в ходе следствия, включая отвод свидетелей; доказательства и обстоятельства, подлежащие доказыванию; мотивы и основания применения мер пресечения; установление разумного срока уголовного судопроизводства; порядок и последовательность производства определенных следственных действий, интерпретация полученных доказательств; форма судебного приговора и порядок его вынесения.

Следует также отметить, что проведенное исследование не охватывает всего непрерывного пути развития уголовного процесса от Средних веков до современности, включающего важные этапы, связанные с эволюцией общественного правосознания, приведшей к значительной гуманизации.

Библиографический список

1. Бакус Г. В. Инквизиция, ересь и колдовство. «Молот ведьм». М: АСТ, 2023. 368 с.
2. Ван Хааске Л. А. Обвинительный дискурс Салемского ведовского процесса: опыт имагологического анализа // Genesis: исторические исследования. 2021. № 2. С. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055.
3. Григулевич И. Р. Инквизиция. М.: Политиздат, 1976. 448 с.
4. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М.: МГЮА, 2012. 408 с.
5. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М.: Эксмо, 2012. 576 с.
6. Екимова К. А. Великий инквизитор Томас Торквемада // Переломные моменты истории: люди, события, исследования: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 350-летию со дня рождения Петра Великого: в 3 т. / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. СПб., 2022. Т. 2. С. 592–596.

7. Звиададзе Г. Учение древних отцов церкви о церковной иерархии // Сретенское слово. 2022. № 3. С. 19–29. DOI: 10.55398/27826066_2022_3_19.
8. Крамер Г. Шпренгер Я. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветковой. СПб.: Азбука, 2021. 384 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: соч. в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. 650 с.
10. Неретина С. С. Средневековая западноевропейская философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 220–225.
11. Осипов М. Ю. Теория государства и права: учебник. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. 323 с.
12. Поповкина Г. С. Колдовство с точки зрения христианской традиции // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 21. С. 95–110.
13. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
14. Чернышев Д. Б. Проблема принуждения к даче показаний как уголовно-процессуального механизма получения доказательств // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 4. С. 520–528. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.520–528.
15. Шаов А. А. Теоретические основы формирования правовой системы в эпоху Средневековья: социально-философское измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. С. 285–290
16. Eymeric N. Directorium Inquisitorum. Rome: in aedibus Populi Romani apud Georgium Ferrarium, 1587. 814 p. // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/bub_gb_YFZHoAk8v2QC/page/n3/mode/2up.
17. Nider J. Formicarius. 1517. MDZ Digitale Bibliothek [website]. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10990714?page=5>.
18. Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century. Literary Licensing, LLC, 2013. 160 p.
19. Burns W. E. Witch Hunts in Europe and America – An Encyclopedia. Westport, Conn: Greenwood Press, 2003. URL: <https://archive.org/details/witchhuntsin-euro0000burn/page/n5/mode/2up>.

References

1. Bakus G. V. *Inkvizitsiya, eres' i koldovstvo. «Molot ved'm»* [Inquisition, Heresy and Witchcraft. The Hammer of Witches]. Moscow, 2023. 368 p. (In Russ.).
2. Van Haaske L. A. *Obvinitel'nyy diskurs Salemskogo vedovskogo protsessa: opyt imalogicheskogo analiza* [Accusatory Discourse of the Salem Witch Trial: the Experience of Imagological Analysis]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – *Genesis: Historical Research*. 2021. Issue 2. Pp. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055. (In Russ.).
3. Grigulevich I. R. *Inkvizitsiya* [Inquisition]. Moscow, 1976. 448 p. (In Russ.).
4. Golovnenkov P., Spitsa N. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya* [The

Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany]: a scientific and practical commentary and translation of the text of the law. Moscow, 2012. 408 p. (In Russ.).

5. Hugo V. *Sobor Parizhskoy Bogomateri* [The Hunchback of Notre-Dame]. Moscow, 2012. 576 p. (In Russ.).

6. Ekimova K. A. *Velikiy inkvizitor Tomas Torkvemada* [Grand Inquisitor Thomas Torquemada]. *Perelomnye momenty istorii: lyudi, sobytiya, issledovaniya* [Turning Points in History: People, Events, Research]: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 350th Anniversary of the Birth of Peter the Great: in 3 vols. St. Petersburg, 2022. Vol. 2. Pp. 592–596. (In Russ.).

7. Zviadadze G. *Uchenie drevnikh ottsov tserkvi o tserkovnoy ierarkhii* [The Teaching of the Ancient Fathers of the Church about the Church Hierarchy]. *Sretenskoe slovo* – Sretensky Word. 2022. Issue 3. Pp. 19–29. DOI: 10.55398/27826066_2022_3_19. (In Russ.).

8. Kramer H., Sprenger J. *Molot ved'm* [Hammer of Witches]. St. Petersburg, 2021. 384 p. (In Russ.).

9. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]: in 50 vols. 2nd ed. Moscow, 1955. Vol. 3. 650 p. (In Russ.).

10. Neretina S. S. *Srednevekovaya zapadnoevropeyskaya filosofiya* [Medieval Western European Philosophy]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vols. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, 2010. Vol. 3. Pp. 220–225 (In Russ.).

11. Osipov M. Yu. *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]: a textbook. Moscow, 2021. 323 p. (In Russ.).

12. Popovkina G. S. *Koldovstvo s tochki zreniya khristianskoy traditsii* [Witchcraft from the Point of View of the Christian Tradition]. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* – Proceedings of the Institute

of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS. 2018. Issue 21. Pp. 95–110. (In Russ.).

13. *Slovar' inostrannykh slov* [A Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 1988. 608 p. (In Russ.).

14. Chernyshev D. B. *Problema prinuzhdeniya k dache pokazaniy kak ugodovno-protsessual'nogo mehanizma polucheniya dokazatel'stv* [The Problem of Coercion to Testify as a Criminal Procedure Mechanism for Obtaining Evidence]. *Chelovek: prestuplenie i nakananie* – Man: Crime and Punishment. 2019. Vol. 27. Issue 4. Pp. 520–528. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4). (In Russ.).

15. Shaov A. A. *Teoreticheskie osnovy formirovaniya pravovoy sistemy v epokhu Srednevekov'ya: sotsial'no-filosofskoe izmerenie* [Theoretical Foundations of the Formation of the Legal System in the Middle Ages: A Socio-Philosophical Dimension]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. Issue 4. Pp. 285–290. (In Russ.).

16. Eymerici N. *Directorium Inquisitorum*. Rome: in aedibus Populi Romani apud Georgium Ferrarium, 1587. 814 p. *Internet Archive*. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_YFZHoAk8v2QC/page/n3/mode/2up. (In Lat.).

17. Nider J. *Formicarius*. 1517. *MDZ Digitale Bibliothek* [website]. Available at: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10990714?page=5> (In Lat.).

18. Shannon A. C. *The Popes and Heresy in the Thirteenth Century*. Literary Licensing, LLC, 2013. 160 p. (In Eng.).

19. Burns W. E. *Witch Hunts in Europe and America – An Encyclopedia*. Westport: Greenwood Press, 2003. 400 p. Available at: <https://archive.org/details/witchhuntsineuro0000burn/page/n5/mode/2up>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Д. Б. Чернышев

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

ORCID: 0000-0002-2025-2286

ResearcherID: I-2819-2017

About the author:

D. B. Chernyshev

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
66, Korepina st., Yekaterinburg, 620057, Russia

ORCID: 0000-0002-2025-2286

ResearcherID: I-2819-2017